

Новая Польша 7-8/2011

0: РУСОФОБИЯ — НЕ ДЛЯ НАС

— *Каковы сегодня политические цели наших соседей: Москвы, Киева, Минска? И как с ними соотносится польская восточная политика?*

— У российской, белорусской, украинской политики, разумеется, нет теперь общего знаменателя. Начнем с России. Она выходит из периода дезинтеграции, вызванной распадом Советского Союза. К распаду СССР по-разному относится общественность на Западе и Востоке. В Польше его рассматривают как закрепление дороги к свободе. Зато для многих русских он стал, как выразился Владимир Путин, «величайшей геополитической катастрофой XX века». Политические верхи России и уж, несомненно, Путин и Дмитрий Медведев, пытаются интегрировать государство настолько, чтобы оно снова играло важную роль в мире. В России знают, что вернуться на позицию сверхдержавы невозможно, но верят, что могут получить статус важного игрока в глобальной политике. Страна обладает ядерным оружием, запасами нефти и газа, а также самой обширной среди всех государств территорией. Кроме того, во многих вопросах — хотя бы Ближнего Востока, Ирана или Афганистана — голос России по-прежнему значит немало.

Желая восстановить позицию глобального игрока, Россия ищет соглашения с тремя ключевыми актерами на мировой сцене: США, КНР и Евросоюзом. Чтобы выйти из тупика, российские политики предпринимают и такие действия, которые для них довольно оригинальны, например пытаются придать больше тепла отношениям с государствами Центральной Европы, в том числе с Польшей.

Во многих политических кругах России, а также в некоторых государственных учреждениях сильна тоска по роли «не просто игрока» в глобальной политике — сентиментальная ностальгия по статусу империи. Хотя это можно объяснять еще и тем, что ментальность меняется медленнее и труднее, чем политические программы.

Однако если в России всерьез думают о восстановлении ранга своей страны, то им следует уяснить, что аргументы, которыми они сегодня располагают, будут играть всё меньшую роль. Поэтому пропуском в будущее может стать только модернизация, а она не пойдет без сотрудничества с Западом. В длительной же перспективе условием и вместе с тем результатом модернизации должна стать вестернизация России, иначе говоря, более близкие связи как с Евросоюзом, так и с Америкой. Хотя, естественно, это не обязательно должно сразу выразиться в членстве в НАТО...

— *Пора перейти к Украине...*

— Украинская политика стабильнее, чем могло бы показаться, судя по бурной истории 20 лет независимой Украины. Началось с неожиданного прорыва украинцев к независимости — и это совершилось, что важно, путем всенародного референдума, в котором около 90% граждан проголосовали за независимость. Затем последовал период Леонида Кучмы и политики баланса между Востоком и Западом. Далее дело дошло до «оранжевой революции» и прозападных настроений в декларациях правительств Виктора Ющенко. В конце концов к власти вернулся Виктор Янукович — политик, казалось бы, потерпевший полное поражение.

Однако принципиальной целью — и основой — украинской политики на протяжении всего этого времени было укрепление независимости и самостоятельности государства. На Украине независимость не могут поставить под сомнение даже те жесткие русские, которым хотелось бы это сделать. Второй элемент украинской стратегии состоит в поисках равновесия между Западом и Россией. Это, впрочем, понятно: трудно вести себя иначе, имея такую историю и такие культурно-хозяйственные связи. Украинцы хотели бы войти в Евросоюз, не теряя отношений с Россией, либо иметь как можно лучшие отношения с Россией, одновременно пребывая по возможности предельно близко к Евросоюзу, — на чем делается ударение, зависит от того, кто сейчас стоит у власти, но в общем и целом принцип заключается в уравнивании влияний. Однако в ближайшее время Украина станет осуществлять сценарий, ассоциирующийся с ленинским путем «шаг вперед, два шага назад». В итоге она будет сближаться с Евросоюзом, но останется пассивной по отношению к НАТО. И продолжит строить близкие отношения с Россией.

— *Наконец, Белоруссия — тема, пожалуй, совершенно особая?*

— Да, так как мы оцениваем ее через призму диктатуры. Вопрос скорее в том, какой план у Александра Лукашенко. А план ясен: его интересует только одно — удержаться у власти.

Партнерам Белоруссии приходится нелегко: каким образом сотрудничать с ней, не изолировать страну и не обижать общество, но в то же время не легитимизировать власть Лукашенко. Трудности с Белоруссией есть и у России. Неправда, будто для Москвы Лукашенко — удобный партнер. Он не может быть удобным, потому что непредсказуем. А Европе сотрудничество с Лукашенко дается еще труднее, так как у нас свои принципы, которых придерживаются все демократически избираемые западные правительства.

— Вы подчеркиваете, что Россия, Украина и Белоруссия — это три разных страны и три разных вызова. Тем временем публицисты и даже дипломаты часто, говоря о польской восточной политике, валят в один мешок политику в отношении Москвы, Киева и Минска, а то и Закавказья. Какими могут быть последствия этого?

— Фактически так оно и есть. Взять хоть бы Ярослава Браткевича, на тот момент директора Восточного департамента МИДа, который недавно обещал в «Газете выборчей» поворот в польской внешней политике. Он предлагал, между прочим, обращать меньше внимания на Украину, а больше — на Россию. С этим еще можно спорить. Зато полностью несправедливо всё, что он написал об украинских слабостях, потому что если оценивать состояние демократии и гражданского общества, а также уровень политического плюрализма и свободы СМИ, то Украина намного опережает Белоруссию и Россию. И это главным образом заслуга «оранжевой революции»: хотя ей и были присущи различные слабости, она в любом случае заложила основы гражданского общества.

Разумеется, если мы будем оперировать более общими понятиями и говорить, что польская восточная политика заключается в укреплении независимости, построении демократических обществ, создании сети связей этих стран с Евросоюзом, тогда мы можем всех рассматривать сходным образом. Такой должна быть принципиальная идея нашей политики на этом пространстве.

Однако такой ответ мало что означает, так как в этих странах положение по многим параметрам различается. Совершенно особо выглядит Молдавия — страна, которая полна внешних и внутренних трудностей и которую тоже не удастся свалить в один мешок «восточной политики». Сложности со статусом Приднестровья, драматическое экономическое положение, а тут еще Румыния публично провозглашает надежду, что в один прекрасный день станет единым государством с Молдавией.

Подобным образом обстоят, впрочем, дела и с Кавказом: Грузия, Армения и Азербайджан — это совсем разные страны. У каждой из них свои слабости и козыри. Азербайджан располагает нефтью, Армения — близкими связями с Россией, у Грузии за плечами удачные реформы и проигранная по собственному желанию война, в которой она потеряла две провинции.

Политика, касающаяся Восточной Европы, должна стать ведущим мотивом грядущего польского председательства в Евросоюзе. Мы не должны при этом настраиваться на тональность ментора — скорее друга или соседа, который готов помогать, но не поколеблется и тогда, когда надо на что-то обратить внимание. Таким образом, понятие «польская восточная политика» употреблять можно, но сама эта политика обязана быть разнородной.

— Какими должны быть принципы этой дифференциации целей и методов польской политики по отношению к Москве, Киеву и Минску? Когда, например, есть смысл действовать напрямую, пользуясь двусторонними контактами, а когда лучше прибегать к посредничеству Брюсселя?

— Нашей целью должно быть: добиться, чтобы как можно больше из нашего образа мыслей о политике в этом регионе было признано составным элементом общей европейской политики.

— И тут возникают затруднения.

— У Евросоюза вообще трудности с определением общей политики. В разных странах ЕС отношение к Восточной Европе разное. Во многих государствах действует принцип безусловного приоритета в пользу российской политики. Всё происходящее в Восточной Европе рассматривается сквозь призму того, что скажет об этом Россия.

Правило «Russia first» сильно в Германии, Франции и Италии. Уже британско-российские взаимосвязи выглядят несколько иначе, но в любом случае это четыре самых важных государства из первой шестерки стран ЕС.

Большая заслуга Польши — в том, что во время «оранжевой революции» мы подключили Евросоюз к событиям на Украине. В посредничестве принимал участие Хавьер Солана, а Украину стали рассматривать не как периферийную проблему, а как вопрос, существенный для будущего Европы.

— *А вы не разочарованы развитием дел на Украине? Даже чисто лично — когда вспоминаете, сколько сами натрудились в посредничестве по ходу «оранжевой революции».*

— С огорчением признаюсь, что пять лет президентства Виктора Ющенко не приблизили Украину к Европе. А ведь был шанс принять календарный график ее вступления в Евросоюз. Теперь это труднее, в том числе по причине всемирного кризиса.

— *Что в польской восточной политике можно признать успехом?*

— Первым был наш вклад в разрешение украинского кризиса. Вторым — принятие Евросоюзом проекта «Восточного партнерства», несмотря на нынешние сомнения, действует ли эта программа.

Важно, что нам удалось создать этот проект, втянув в него шведов — сильную страну Северной Европы.

— *Однако вы сами говорите о сомнениях насчет того, действует ли «Партнерство».*

— Да, так как необходимы новые импульсы и замыслы. Тем более что момент опасный. ЕС занимается сегодня главным образом самим собою. У него есть трудности с лидерством, так как ни Кэтрин Эштон, ни Жозе Мануэль Баррозу — не политические стратеги, особенно в восточной политике. При недостатке нашей активности наложение этих факторов приведет к тому, что устремления и интересы Восточной Европы останутся в пренебрежении.

— *Означает ли это, что надежды, связанные с польским председательством в Евросоюзе и возможным стимулированием «Восточного партнерства», преувеличены?*

— Надеждам свойственно быть всего лишь надеждами. Но, разумеется, во время польского председательства мы не можем отказываться от своей линии поведения. Дело в том, что наше председательство может оказаться в драматическом положении, если в арабском мире наступит «эффект домино» и окажется, что после Египта и Ливии там вспыхивают новые кризисы. Тогда внимание Европы переключится на Ближний Восток и Северную Африку, а в этих вопросах Польша не особенно компетентна.

Чем скорее ситуация на Ближнем Востоке стабилизируется, тем лучше. Мы сможем заняться «Восточным партнерством».

— *«Восточное партнерство» часто воспринимается как антироссийский проект, а в доказательство указывают, что Москву не пригласили к участию в нем. Можно ли — и если да, то как — победить стереотип, будто поддержка Украины и Белоруссии нацелена против России?*

— Достаточно сравнить мероприятия Евросоюза применительно к России — хотя бы в экономической сфере — с тем, как он поступает со странами «Восточного партнерства». Тогда быстро обнаруживается, что говорить не о чем. Разница в масштабах гигантская — естественно, в пользу России.

Да, наше вмешательство и помощь во время украинского кризиса были признаны антироссийской деятельностью. Путин поносил меня за них, но нет нужды принимать подобные вещи близко к сердцу: это была всего лишь риторика для внутреннего употребления. Самое большее, можно ответить, что перед Россией открыты все пути к сотрудничеству с ЕС. Более того, атмосфера в Евросоюзе по отношению к России теперь хорошая — намного лучше, чем к Украине или Белоруссии: с ними в серьезный диалог вообще не вступают.

Сегодня, когда в самой России говорят о модернизации, ее шансы связаны исключительно с Евросоюзом, а не с построением российской неимперии или даже мягкой зоны экономического сотрудничества. К примеру, перед Украиной стоит та же самая проблема модернизации, что и перед Россией: и той и другой нужно осовременить свою промышленность и технологии, нужны и рынки сбыта. Что эти две страны могут предложить друг другу? Умножение трудностей. Потому что даже если они вместе сядут за стол с целью решить проблему отставания, то в лучшем случае они смогут вместе поплакать, что им всего не хватает.

— *Когда на исходе 1990-х польско-российские отношения сильно охладели, вы объясняли это двумя причинами. Московская верхушка была сильно расстроена тем, что Польша вырвалась из ее сферы влияния*

и стала свободна, да еще вдобавок вступила в НАТО — это было сочтено прямо изменой. Разве сегодня среди российской верхушки такое мышление уже неактуально?

— Частично оно по-прежнему живо, однако в реальной политике — а Путин, несомненно, человек реальной политики — приходится признавать факты. Они же таковы, что наша часть Европы уже находится по другую сторону, мы состоим в НАТО, в Евросоюзе, и этот процесс необратим.

В России по-прежнему объясняют, что их огорчения, связанные с расширением НАТО, вытекают из того, что Запад нарушил свое слово: в момент воссоединения двух Германий Михаилу Горбачеву гарантировали, что бывшая ГДР станет последней территорией, которую охватит Североатлантический пакт.

На это есть простой ответ: Запад договаривался с Советским Союзом, а с 1991 г. Советского Союза не существует. Но, несомненно, вхождение Центральной Европы и прибалтийских стран в НАТО было для многих в России травматическим. Другое дело, что сегодня проблематика мировой безопасности настолько изменилась, что необходимо искать новые решения. Расширение НАТО было формой реагирования, взятой из периода «холодной войны», и вместе с тем попыткой выстроить после революции 1989 го новое распределение сил. Сегодня у нас 2011 год: угроза терроризма, трудное положение в Афганистане и необходимость сотрудничества между НАТО и Россией. Потому-то эта тема перестала быть такой жгучей.

Серьезнее оказывается недовольство, связанное с Украиной. Русским трудно понять, что это отдельное государство.

Изменение ментальности — дело не простое. Интересно было бы проанализировать, как смотрит на независимость Украины российская и украинская молодежь, родившаяся уже после референдума и в своей жизни имевшая дело только с независимой Украиной. Предполагаю, что в этой группе уже нет затруднений с признанием Украины как отдельного государства.

— Вы хорошо знаете самых главных политиков наших восточных соседей. Не могли бы вы поиграть, составляя для нашего МИДа своего рода шпаргалки с их характеристиками? С кем и как следует там разговаривать?

— Правда, полная откровенность была бы здесь недипломатичной, но попробуем...

— Владимир Путин...

— Это, несомненно, человек одаренный. Достаточно вспомнить, что, начиная свою деятельность, он не имел никакого положения — был всего лишь частью аппарата. Крутился сначала при Анатолии Собчаке в Ленинграде, позднее — при Борисе Ельцине. Ему хватило 11 лет, чтобы необычайно развиться, развернуться и... расширить свое влияние. Одновременно он сделал то, чего ждало от него большинство соотечественников, — провел государство от беспорядка к порядку. А порядок в стране важен. Даже если он болезнен или далек от демократических идеалов. Путин остановил также процессы дезинтеграции, которых в России всё время опасаются.

Делая ставку на силовые структуры, в том числе на бывший КГБ, на армию, администрацию и дипломатию, он добился успеха. Консолидируя власть, консолидировал государство.

Путин сочетает два качества, которые действуют в его пользу. С одной стороны, он профессионал. Будучи по образованию кагэбистом, он знает, как добираться до информации и психологически раскусывать людей. Особенно во время встреч с глазу на глаз он обнаруживает много обаяния, хотя, наверно, использует в них также и свои навыки. «Продает», к примеру, собеседнику какие-то любопытные, чтобы не сказать конфиденциальные, сведения. Тем самым словно бы подмигивает: коль скоро я говорю тебе такие вещи, коль скоро ввожу тебя в курс разных тонкостей нашей внутренней политики, то ясно, что я тебе доверяю. Этим он строит связь. Умеет быть обаятельным, но в то же время хорош в ведении игры. Многих он покори́л этим обаянием — хотя бы Герхарда Шрёдера или некоторых американских политиков.

И, что тоже важно, у Путина сейчас за плечами 11 лет управления большой страной — сначала в качестве президента, теперь как премьер-министра. В тех государствах, где политики делают карьеру через выборы, они лишь в редких случаях остаются на ведущих должностях так долго. В этом смысле Путин сегодня ветеран. А поскольку он исполняет ожидания российских граждан, то у него по-прежнему сильная позиция на любых выборах.

Следовательно, Путин принадлежит к числу тех политиков, с которыми надлежит считаться и поддерживать контакты.

— *Дмитрий Медведев...*

— Несколько раз я имел случай встречаться с ним, но только в порядке чистой вежливости. Он решительно отличается от Путина. Медведев — профессорский сын. Окончил юридический факультет. Это совсем другой тип образования, чем школа КГБ, — даже если наставники студента Медведева внушали ему предельно суровый подход к праву.

Помню программное выступление Медведева где-то в начале его президентства... Говоря о том, что необходимо России, он упоминал о создании правового государства, о правовом нигилизме. Меня это поразило, ибо в дипломатическом языке таких формулировок не употребляют. Медведев понимает потребность в переменах и модернизации России, но, чтобы это сделать, ему не хватает инструментов, собственной силы, а также поддержки людей, которые находятся рядом с ним. Поэтому за время пребывания на президентском посту он мало что из своих проектов сумел осуществить.

— *Ключевой вопрос звучит следующим образом: какую стратегию выберут эти господа в ближайшие месяцы? Самые важные события, то есть выборы, состоятся в 2012 году. Сохранится ли этот дуэт?*

— Тут как раз трудно предсказывать. Пока что тандем действует довольно согласованно, хотя, разумеется, временами кое-что скрипит. Так или иначе, а стиль кампании будет свидетельствовать о состоянии демократии и о ходе изменений в России.

— *Для польской дипломатии важная фигура — Сергей Лавров...*

— Это старая советская школа: умный, с превосходным знанием языков, с опытом и элегантностью. Трудный партнер. Для Лаврова в расчет идут прежде всего интересы России, а диалог — лишь настолько, насколько он нужен для достижения данной цели. Таких людей во властных структурах России немало, хотя, разумеется, среди верхов есть и другие школы и стили действия.

В целом создается общее впечатление солидной, зрелой, но вместе с тем и решительной политики. Такое впечатление складывается у всех, кто соприкасается с российскими политиками, а всех внутренних нюансов, существующих в структурах их власти, не знает. Что существенно, российские политики, возможно, не в состоянии делать всё, что хотят, — так, как это удастся хотя бы китайцам, — но в своей деятельности они, несомненно, не столь опутаны разными демократическими процедурами, как большинство их партнеров из Европы. И они умеют этим пользоваться.

Кроме того они умело творят в мире образ своего государства. Причем в самых разных плоскостях. Речь идет о выстраивании такого впечатления, что Россия принимает участие во всех важных событиях. Скажем, она замахнулась на организацию зимней олимпиады в Сочи, то есть на побережье Черного моря, что кажется безумием и уж наверняка потребует огромных усилий! В 2018 г. Россия примет еще одно крупное мероприятие — чемпионат мира по футболу.

— *Пора перейти к прекрасно вам известным украинским политикам.*

— Президент Янукович — это человек, который должен вызывать уважение по одной причине: он проиграл выборы, будучи обвинен в фальсификациях, которые, кстати говоря, были фактом, а потом вернулся на сцену. Немногие политики психологически перенесли бы такой удар и унижение. Сегодня Янукович представляет собой стабильного политика, зрелого и... устойчивого — поскольку хуже, чем в 2004, уже быть не может. И, что важно, при построении межгосударственных отношений нынешний украинский президент — человек конкретностей. Он питает также уважение к принятым решениям и подписанным договорам. С ним бывают трудности, когда договариваешься по тем или иным вопросам, но если уже придешь к соглашению, то можно питать уверенность, что оно будет реализовано.

Тем временем у его предшественника именно с этим возникали трудности. Виктор Ющенко имел склонность поговорить об идеях и ценностях, но это не перелагалось в конкретно выполняемые действия.

Однако в данную минуту мы имеем там дело с прагматической группой. У подобной ситуации есть свои плюсы и минусы. Минус в том, что чувствительность этой группы к таким ценностям, как демократия, гражданские свободы, свобода средств информации, меньше. Зато, если говорить о переговорах с Евросоюзом и отношениях с

Польшей, то ментальность нынешней руководящей команды способствует как договоренностям, так и выполнению принятого.

— Диаметрально иные отношения были у вас с Александром Лукашенко. Хотя первым делом вы поехали в Минск, пытаясь его приручить, белорусский президент потом всё равно считал вас и Польшу врагом номер один.

— Господином Лукашенко нельзя пренебрегать, так как он располагает опытом и талантом: умеет удерживать власть. Зато у него есть принципиальное затруднение — слабое политическое воображение. Его образ мыслей о государстве чужд действующему в Европе — а этого в длительной перспективе удержать не удастся.

С ним существуют и другие проблемы. Скажем, договоришься о чем-то, причем отнюдь не с глазу на глаз, но не успеешь еще вернуться в собственную страну, как он уже созвал пресс-конференцию и говорит там совершенно другие вещи. Контакт с Лукашенко затрудняется также тем, как он трактует оппозицию, СМИ, неправительственные организации или национальные меньшинства. Помню, как мы условились встретиться с белорусской оппозицией в Беловежской пуще. И вдруг наши автомобили не смогли найти дорогу...

— Ваш путь во взаимоотношениях с Лукашенко повторил затем в некотором смысле министр Радек Сикорский. Он тоже хотел его цивилизовать и тоже стал — а вместе с ним и Польша — врагом номер один.

— Инициатива совместного выезда в Минск с Гидо Вестервелле была хорошей идеей. Наивно было полагать, что польский и немецкий министры убедят Лукашенко организовать демократические выборы, да еще чтобы он их проиграл. Однако такого рода активность, основанная на принципе кнута и пряника, имеет смысл. Ибо самым поразительным оказалось следующее: те выборы всё-таки отличались от предыдущих — была проведена хотя бы имитация предвыборной кампании. Да и то, что после выборов Лукашенко решил подавить оппозиционные группы, вытекало из отнюдь не беспочвенного опасения, что, если бы не разогнать манифестацию, она могла привести к украинскому эффекту.

Феномен XXI века состоит в том, что уже почти нигде не удастся потихоньку и как бы с наскока разогнать граждан, демонстрирующих против режима. Всегда где-то рядом найдутся средства информации и разгласят весть о революции.

— Так или иначе, оппозиция попала в тюрьмы. Каким должен быть ответ Европы, в том числе и Польши?

— Последовательным. Самое худшее — это метаться от стенки к стенке. Министр Сикорский начал нервно отказываться от своих более ранних инициатив.

Ответом на 19 декабря 2010 г. должны стать встречные меры воздействия. Например — уже принятый отказ в визах для белорусских сановников. Зато контакты с Белоруссией как страной должны быть сохранены, с той лишь разницей, что диалог должен сопровождаться ясными сигналами. К примеру: у вас есть шанс на помощь от европейских банков, если вы выполните наши условия.

— Существуют ли какие-то черты или свойства, особенно пригодные для проведения восточной политики?

— Вот что здесь важнее всего: политикам, дабы вести эффективную восточную политику, следует действовать активно. Это не может сводиться к рутинным визитам раз-другой в год. Даже если из политического календаря не вытекает много случаев для встреч, нужно их создавать. Подобный подход не представляет собой в дипломатии ничего нового: так строились хоть бы германско-французские отношения. Тут и рабочие визиты, и открытие памятников, и участие во всякого рода торжествах. Хорошо действовать по общественной части. С годами количество переходит в качество.

Отсюда следует необходимость терпения, тем более что ввиду величины этих государств и масштаба проблем многие из процессов требуют времени.

Наконец, козырем остается компетентность — а в восточной политике поляки обладают преимуществом перед англичанами или французами. Речь идет не только о знакомстве с восточной душой и ментальностью, но и об опыте прохождения через трансформацию общественного строя и экономики.

Надо, кроме того, осознавать, что восточная политика разыгрывается не только на Востоке. Она требует ничуть не меньшей активности и профессионализма и во время встреч в салонах Запада. Да, конечно, украинцам следует объяснять, что они должны менять политические, экономические, юридические и иные стандарты. Но одновременно на Западе надо растолковывать, почему Восток важен. Поскольку может оказаться, что Восток начнет соответствовать стандартам, о которых все долго мечтали, а на Западе к этому не проявят никакого интереса. Сегодня упоминание о расширении европейского пространства плохо принимается даже во время открытых публичных дискуссий. Самая теплая реакция звучит так: дайте нам больше времени — иными словами, дайте нам жить спокойно, откажитесь от этого.

— Какое значение во внешней политике имеет позиция отечественной оппозиции? Для примера — риторика вокруг смоленской катастрофы.

— Это совершенно очевидное и бесспорное построение своих избирательских тылов вокруг ненависти к России. И тут не помогут никакие речи, обращенные к российским гражданам, равно как и утверждения о том, что с народом разговаривать мы можем, а вот с властью — уже нет. В политике разговоры ведут прежде всего с политиками.

К счастью, отношения Польши с Россией будут во всё большей степени складываться через посредство Евросоюза, а акции нашей местной оппозиции станут иметь всё меньшее значение. Доказательством этой тенденции стало первое потепление взаимных отношений, еще до Смоленска. Жесты на Вестерплатте и в Катыни были, в частности, результатом нажима Запада на российских политиков, чтобы те наконец-то договорились с нами по этим вопросам, так как для поляков это чувствительные точки.

Но и Польша тоже не может иметь в мире русофобскую репутацию. Потому что обособиться, изолироваться от России не удастся: с Россией хотят договариваться немцы и французы. Поляки тоже должны этим заниматься, тем более что в России превосходная дипломатия. В Евросоюзе они ведут 28 видов политики: 27 двусторонних и еще одну — с Брюсселем. И громкие крики, призывающие Россию признаться в теракте и искусственном тумане, должны как можно скорее утихнуть. Потому что никакого теракта не было.

Точно так же Белоруссия всё чаще становится предметом политики ЕС. Польша должна, однако, всегда заботиться о том, чтобы учитывались интересы польского меньшинства и благосостояние нескольких тысяч польских граждан, которые инвестировали капитал в бизнес с белорусскими фирмами, живут от приграничной торговли и т.д. Тем более что экономические контакты, поддержка неправительственных организаций, культурный обмен и даже усиление туристического движения укрепляют гражданское общество, иными словами, сопротивление режиму Лукашенко.

Зато «Право и справедливость», а также «Союз демократических левых сил» оказываются полезными в украинских отношениях. Ибо в Польше существует консенсус по поводу того, что Украину надлежит поддерживать — разумеется, не слепо и не отказываясь от критики. Парадоксально, но теперь самые большие сомнения испытывают здесь правительственные структуры. Между тем, политика в отношении Украины должна вестись намного активнее. Да, конечно, премьер-министр Туск мог устать от ситуации с Юлией Тимошенко, когда Польша выдвигала много предложений, а отклик второй стороны был неизменно одним и тем же. Теперь, однако, у нас возникла новая ситуация: четыре года правления голубого лагеря. Он располагает демократическим мандатом и полным набором средств, позволяющих показать себя: правительство большинства, прагматичный и опытный президент, открытые возможности для переговоров с Брюсселем и лучший, чем у предшественников, рейтинг в Москве. Мы ожидаем результатов — хотя бы в виде серьезного договора об ассоциированных отношениях Украины с Евросоюзом.

— Какой должна быть польская политика по отношению к Востоку — идеалистической или прагматической?

— Как это принято в Польше — смешанной. Идея о совместной организации «Евро-2012» Польшей и Украиной была идеалистической, но сегодня она уже выглядит прагматически. Это первый чемпионат, устраиваемый странами, одна из которых входит в Шенген, а вторая — нет.

Нам надо сочетать красивые идеи с конкретными решениями. Если бы кто-либо 20 лет назад сказал, что мы будем дискутировать о том, должна ли Украина входить в Евросоюз, никто бы не поверил. А это происходит. Если так быстро изменилось столь многое, то в течение очередных лет может измениться еще больше.

Беседу вели Малгожата Ноцунь и Кишиштоф Бурнетко

1: СМЕРТЬ ПОСЛЕДНЕЙ ИДЕАЛИСТКИ

Польско-российское единение переживает кризис, но надо отметить, что оно имеет и собственное неиссякаемое движение, вне кабинетов Кремля и Бельведера. У истоков этого движения стояли когда-то Ежи Гедройц и Владимир Максимов. В рамках такого единения Окуджава посвящал песни Агнешки Осецкой, а Вайда ставил в Москве театральные спектакли. Теперь это движение представляют Ежи Помяновский, Кристина Курчаб-Редлих, Барбара Чайковская.

К сожалению, об имевшем когда-то место согласии «ляха и москаля» вспоминают чаще всего, когда уходят те, кто всегда сражался за такое единения. Обычно это люди со специфическим опытом своего поколения, родившиеся, когда Россию сотрясала революция и гражданская война, прошедшие сталинские чистки и бои на фронтах мировой войны. После падения сталинизма они обретали веру в свое государство, но утрачивали ее очень быстро перед лицом нараставшего в брежневскую эпоху застоя и маразма. Они сдавали партийные билеты, выбирая ссылку и внутреннюю эмиграцию.

Елена Боннэр, чей жизненный путь завершился только что в далеком штате Массачусетс, — как раз такой пример. Ее родители хотели строить лучший мир и привили свои идеалы дочери. Отец, высокопоставленный партийный деятель в Туркмении и Армении, погиб в сталинской тюрьме. Мать провела в лагерях семнадцать лет. Их дочь после нескольких лет военного кошмара (как армейская медсестра она прошла путь советского солдата, и война оставила ей в наследство инвалидность) окончила медицинский институт и предприняла попытку нормально существовать в Советском Союзе.

Но уже в 60-е годы, наблюдая суды над диссидентами, она распознала фиктивность советского счастья. Строй, который уничтожил ее семью, снова показал свое истинный лик. В 1985 году советские власти разрешили ей выезд за границу. В Кремле тогда уже воссел Горбачев, но ее мужа, Андрея Сахарова, еще не освободили из ссылки. Во время разговора с Иоанном Павлом II Боннэр отметила вклад Польши и поляков в процесс обретения свободы в Европе. Позже, после смерти мужа, она критиковала Горбачева и Ельцина за бездарную политику. Нескончаемые войны в Чечне, содержание постсоветской и постимперской ментальности не могли не вызвать ее неприятия. Наследница былых революционеров и подвергавшихся гонениям армян и евреев, она не могла согласиться с возрождением национализма в своей стране.

Елена Боннэр не нашла своего места в путинской России. Более десяти лет жила в Бостоне, пользуясь безоговорочным уважением тамошней российской общины. До конца своих дней Боннэр поддерживала контакт с Польшей. В октябре 2010 г. в польском посольстве в Москве ее представительнице передали орден, которым наградила Елену Боннэр еще Лех Качинский. Она написала тогда о двух занозах, которые остались в ее сердце, — Катынь и то, что Варшавскому восстанию не была оказана помощь. Боннэр, медсестра Красной Армии, была в числе тех, кто, неся нам свободу, принес порабощение. В отличие от большинства, она не боялась говорить об этом — знала, что честь России не может основываться на упорстве во лжи. С этой точки зрения, Боннэр была достойной наследницей Герцена и своего мужа Сахарова. Ее единство с Польшей и поляками было подлинным.

Такие людям, как она, должны быть увековечены в бронзе памятников. Однако обесценение памятников и прославление с их помощью всякого рода ничтожеств и кровопийц заставляет нас задуматься о другой форме почтения Елены Боннэр. Быть может, мы должны достойно нести ее идеалы?

Лукаш Ясина — историк, публицист, член редколлегии «Культуры либеральной».

2: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Варшавский саммит стал крупнейшим польским съездом европейских лидеров со времен конгресса Европейской народной партии в 2009 году. Приехали 20 президентов — от Италии, Австрии и Германии до Украины. Как сообщил президент Бронислав Коморовский, их следующая встреча пройдет в будущем году в Киеве (...) Подытоживая работу саммита, польский президент сказал, что все участники согласились: страны, которые недавно стали членами ЕС и НАТО, должны поддерживать проевропейские и пронатовские устремления соседствующих с ЕС государств (...) Встреча лидеров государств Центральной и Восточной Европы завершилась рабочим обедом, на котором почетным гостем был президент США Барак Обама». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 28-29 мая)

- «И по протоколу, и по сути это были два визита. Первый, т.е. участие в саммите европейских государств, не особенно удался. Обама не переносит встреч, во время которых представители государств произносят монологи,

не связанные никакой общей идеей. Варшавская встреча подтвердила его худшие опасения: ей не хватало связности, не сформировалось пространство обсуждения общих проблем (...) Второй день его визита носил ярко выраженный характер двусторонней встречи (...) Приоритетом остается и должен оставаться сланцевый газ (...) Вопрос сланцевого газа всё еще далек от окончательного решения. Общий фронт России, Франции и Германии наверняка приложит все усилия, чтобы сделать невозможной эксплуатацию польских месторождений, а союзников, кроме США и отчасти Великобритании, у нас не будет (...) Сланцевый газ — это прежде всего политический вопрос первостепенной важности для будущего многих поколений поляков», — проф. Збигнев Левицкий, Варшавский университет. («Жечпосполита», 1 июня)

- «“Газпром” стремится ограничить добычу сланцевого газа в Польше, потому что это не в его экономических интересах, а мы [«Гринпис»] заботимся об окружающей среде. Это основополагающая разница (...) Все зависит от того, как этот газ добывать. Если так, как в США, то такую добычу следовало бы запретить. Как известно, в скважины закачивается вода с песком и химическими веществами. В США можно не раскрывать состав этих веществ, ссылаясь на коммерческую тайну. Это опасно. Обвинения в том, что «Гринпис» сотрудничает с российскими спецслужбами, для нас не новость: когда мы в России начинаем говорить о тамошних утечках нефти, то слышим, что нас прислало ЦРУ (...) «Газпром» тоже может стать предметом внимания «Гринписа» (...) Кроме того, речь не о «Газпроме», а о том, должен ли сланцевый газ стать панацеей от всех польских энергетических проблем. Я думаю, мы должны сосредоточиться на повышении нашей энергетической эффективности, находящейся в плачевном состоянии, а также на использовании возобновляемой энергии», — директор «Гринпис-Польша» Мацей Мускат. («Жечпосполита», 28-29 мая)

- На сегодняшний день министерство охраны окружающей среды выдало 86 концессий на разведку сланцевого газа. В рамках разведки фирмы обязались пробурить 124 скважины. Каждая скважина может стоить до 15 млн. долларов. («Политика», 1-7 июня)

- «Радослав Сикорский стал первым министром иностранных дел западного государства, который встретился в Бенгази с лидером недавно созданного Национального совета Ливии (НСЛ). Польский министр сказал Мустафе Абдель Джалилю, что Евросоюз признаёт Совет легитимным партнером по переговорам (...) Визит Сикорского в Бенгази проходит накануне перехода к Польше председательства в ЕС, он был согласован с главой европейской дипломатии Кэтрин Эштон, а также с руководством стран-членов НАТО». («Жечпосполита», 12 мая)

- «В завершившейся вчера в Кракове двухдневной встрече приняли участие командующие специальными войсками всех 28 стран НАТО. На встречу прибыли также офицеры из стран, сотрудничающих с НАТО: Швеции, Финляндии, Швейцарии, Австрии, Австралии и Новой Зеландии. Это уже третья такая встреча в истории НАТО (...) Она всегда организуется командованием войск специального назначения в Европе. Именно оно предложило, чтобы в этом году хозяином саммита стала Польша (...) Командиры обсуждали, в частности, развитие Специальных войск Польши. Несколько лет назад нашу страну пригласили в элитарный клуб государств, специализирующихся в подготовке спецназа (...) У нас гостили также политики, в том числе министры, принимающие решения по развитию этого рода войск». («Жечпосполита», 27 мая)

- «“Это был беспрецедентный процесс в истории польского правосудия”, — сказал судья варшавского Окружного военного суда полковник Мирослав Ярошевский (...) Приговор всем солдатам был вынесен одинаковый — оправдательный. В конце 2007 г. военная прокуратура обвинила семерых парашютистов из 18 го десантно-штурмового батальона в совершении военного преступления, т.е. в нарушении Гаагской и Женевской конвенций. По мнению прокуратуры, во время операции в афганской деревне Нангар-Хель в августе 2007 г. польские солдаты сознательно обстреляли необоронявшийся гражданский объект, в результате чего погибло восемь мирных жителей, в том числе женщины и дети, а еще несколько афганцев получили ранения. Процесс начался в феврале 2009 года (...) В обосновании приговора судья Ярошевский подчеркнул, что суд не нашел достаточных доказательств совершения солдатами преступления, в котором они обвиняются. Прокуратура не смогла представить документацию, благодаря которой удалось бы с точностью установить обстоятельства случившегося». («Жечпосполита», 2 июня)

- «Старший капрал Ярослав Мачковяк погиб, два его сослуживца получили тяжелые ранения (...) На солдат было совершено нападение во время патрулирования окрестностей базы Гиро в провинции Газни (...) Это 27 я жертва польской миссии в Афганистане». («Жечпосполита», 3 июня)

- «Следствие идет с 2008 года. Оно засекречено, и мы не можем получить информацию даже о том, кто был допрошен (...) Прокурор Ежи Межевский собирался предъявить обвинение государственным чиновникам из правительства Союза демократических левых сил (СДЛС), которые дали согласие на создание в Польше тайной тюрьмы ЦРУ (в районе Шиман в Варминско-Мазурском воеводстве). Но две недели назад Межевский был отстранен от следствия. Вчера должности заместителя апелляционного прокурора лишился и Роберт Маевский:

их начальник, варшавский апелляционный прокурор Дариуш Корнелюк, отказался назвать причины увольнения (...) В 2008 г., будучи министром юстиции в правительстве «Гражданской платформы» (ГП) и крестьянской партии ПСЛ, проф. Збигнев Цвёнкальский распорядился начать следствие по делу о тюрьмах ЦРУ. Удивило ли его открытие, что в Польше существовал «тюремный объект, не входивший в нашу юрисдикцию?» Цвёнкальский: «Больше я ничего не могу сказать»». («Газета wyborcza», 30 мая)

• «Юзеф Пинёр, в 2004-2009 гг. евродепутат, в 2006 г. был членом комиссии Европарламента, расследовавшей дело [о тюрьмах ЦРУ]. «По моим сведениям, полученным еще в те времена, существует документ, подписанный [тогдашним премьер-министром Лешекком] Миллером, который регулирует функционирование в Польше следственной тюрьмы ЦРУ. Он до такой степени детален, что описывает действия в случае обнаружения в тюрьме трупа заключенного. Это означает, что польская сторона знала, что там происходит», — утверждает Пинёр. Он подчеркивает, что говорит это, осознавая возможные юридические последствия (...) Генеральный прокурор Анджей Серемет: «(...) Возможность общественного контроля над правосудием — огромная ценность, но (...) в этом деле речь идет не о том, чтобы прикрываться государственной тайной, а о безопасности страны. Поэтому я не намерен поддаться на уговоры и раскрыть информацию по этому делу. Существуют ценности, стоящие выше права общества на доступ к информации. Есть еще защита безопасности нашей страны». («Газета wyborcza», 31 мая)

• «Могут ли адвокаты нарушать закон? В каких обстоятельствах это допустимо? — размышляли собравшиеся в Варшаве представители 200 адвокатур со всего мира. В Польшу на ежегодную конференцию Международной организации юристов приехали председатели юридических объединений (...) МОЮ — крупнейшая международная юридическая ассоциация. Она объединяет 197 адвокатур и юридических корпораций. К ней принадлежат более 40 тысяч индивидуальных юристов. Ее цели — это, в частности, поддержка независимости судебной власти и юристов, а также защита прав человека. Помогает она и создавать новые адвокатские организации в странах, где прежде царила диктатура». («Жечпосполита», 26 мая)

• «В секторе В-18 воинского кладбища на варшавских Повонзках похоронены 177 из 379 жертв майского переворота 1926 года. Здесь покоятся солдаты, сражавшиеся как на стороне Юзефа Пилсудского, так и свергнутой им легитимной государственной власти (...) По случаю 85 й годовщины майского переворота никаких мероприятий не запланировано (...) «Майский переворот должен остаться в нашей национальной памяти как предостережение», — говорит проф. Томаш Наленч». («Политика», 11-17 мая)

• «По прошествии 15 лет процесс генерала Войцеха Ярузельского начнется сначала. Первое заседание суда над генералом, обвиняемым в руководстве убийством рабочих на Балтийском побережье, состоялось в 1996 году. Через три года судебное разбирательство было перенесено в Варшаву, а в 2001 г. возобновлено, и казалось, что в 2011 г. будет вынесен приговор. Однако этого не произойдет. На прошлой неделе умерла одна из заседателей, поэтому процесс должен будет начаться сначала. Рассчитывающему на оправдательный приговор Войцеху Ярузельскому уже 88 лет, и повторение процесса может означать, что при его жизни он не закончится». («Ньюсуик-Польша», 5 июня)

• В годовщину выборов 4 июня 1989 г., положивших начало Третьей Речи Посполитой, президент Бронислав Коморовский принял премьеров и министров трех «первопроходческих», по его выражению, правительств, а также Леха Валенсу. Высокие награды получили 35 человек. «4 июня — это день польской свободы. Это настоящий праздник польской демократии. Я бы хотел, чтобы он остался в памяти поляков», — сказал президент. Лех Валенса, вспоминая первые годы Третьей Речи Посполитой, отметил, что сегодня многие говорят: можно было лучше, можно было разумнее. «А я им отвечаю: можно было, никто вам не мешал». Тадеуш Мазовецкий поблагодарил членов своего правительства за приверженность принципу: «У нас должна быть не демократия реванша и мести, а демократия для всех». («Газета wyborcza», 4-5 июня)

• «На Востоке и Западе торжественно празднуется День победы, ветеранам оказываются знаки благодарности и уважения. А в Польше? Полная тишина (...) Особенно поражает отсутствие уважения к польским солдатам, которые шли на Берлин с востока (...) Послание очевидно: наши ветераны (с Востока или Запада) не должны афишировать своего участия в боях на фронте, потому что их участие в победе над гитлеровской Германией ни к чему хорошему не привело. Наоборот, принесло одни несчастья (...) Противники празднования годовщин победы сделали всё, чтобы замолчать участие польских солдат в уничтожении гитлеровской военной машины, однако они не смогли помешать возложению цветов к Могиле неизвестного солдата в Варшаве. Каждый год туда возлагают цветы, в частности, представители стран бывшей антигитлеровской коалиции (...) Противники празднования (...) позаботились о том, чтобы информация о планируемых торжествах не дошла до широкой публики. В программы телеканалов не была включена трансляция этого события. Пресса ни словом не обмолвилась о том, что такое

мероприятие должно состояться (...) 66-я годовщина победы была для ветеранов печальной датой», — Чеслав Белеевский, участник взятия Берлина, кавалер военного ордена Virtuti Militari. («Пшеглэнд», 29 мая)

- «Только сейчас Никита Петров, заместитель председателя общества «Мемориал», раскрыл тайну 66-летней давности. В архивах бывшего КГБ, преемника НКВД, он нашел документ, несомненно доказывающий, что в 1945 г. 600 бойцов Армии Крайовой были убиты и закопаны в лесу солдатами специального батальона СМЕРШ (...) Расстрелом поляков командовали генерал-майор Иван Горгонов и генерал-лейтенант Павел Зеленин (...) «Оба они опытные, хорошие чекисты и выполняют это задание», — уверял генерал-полковник Виктор Абакумов, обращаясь к маршалу Лаврентию Берии с просьбой отдать приказ». (Вацлав Радзивинович, «Газета wyborcza», 24 мая)

- «Облава в районе Сувалок и Августова, после которой НКВД расстрелял около 600 бойцов Армии Крайовой, была проведена по личному приказу Сталина, — говорит российский историк Никита Петров». («Жечпосполита», 25 мая)

- «Великопольский воевода решил снять мемориальную доску (...) увековечивающую память замученных красноармейцев, которая была установлена неизвестными лицами близ Стшалкува. Воевода сообщил о случившемся консулу Российской Федерации. «Здесь покоятся 8000 красноармейцев, замученных в польских лагерях смерти в 1919-1920 гг.», — гласила надпись на доске (...) На рубеже 1919-1920 гг. в лагере для военнопленных под Стшалкувом умерло более 5200 солдат». («Польска», 16 мая)

- «В ответ на скандал, разгоревшийся вокруг несанкционированной установки мемориальной доски в Смоленске, на которой катынское преступление было названо геноцидом, кто-то решил разыграть карту советских солдат, погибших в польском плену во время войны 1920 года (...) Мы сами виноваты. Такое количество грязи и глупости, которое некоторые круги в Польше вылили на Россию после смоленской катастрофы, трудно спокойно вынести. Но реванш ухудшает ситуацию. Радикалы с одной стороны подзуживают радикалов с другой (...) Польша расплачивается за то, что несколько месяцев ничего не сделала для решения вопроса доски в Смоленске». (Мартин Войцеховский, «Газета wyborcza», 16 мая)

- «7 и 8 июня истребители НАТО и России проведут совместные учения над Польшей и Черным морем. Маневры (...) должны улучшить сотрудничество НАТО и России в противодействии терактам с использованием гражданских самолетов. Это первые для бывших противников совместные учения в области борьбы с терроризмом, которые могут сделать двустороннее сотрудничество более тесным». («Жечпосполита», 2 июня)

- «Россия потребовала от США объяснений по вопросу планируемого размещения военных самолетов в Польше, — заявил пресс-секретарь МИД России Александр Лукашевич». («Жечпосполита», 3 июня)

- «Конгресс украинцев Холмщины и Подлесья призывает власти Польши выплатить компенсации украинцам, выселенным в 1944-1946 гг. (...) «Мы хотим, чтобы выселенные были признаны “депортированной нацией”», — говорит председатель Конгресса Александр Боровик, житель Ровно (...) «Украинские ученые этим вопросом не занимаются, в отличие от Польши, где проблемы выселенных были решены», — подчеркивает Боровик». («Жечпосполита», 26 мая)

- «В Польше живут уже почти 100 тыс. легальных иммигрантов (данные Управления по делам иностранцев) и в несколько раз больше нелегальных. Они приезжают в основном с Украины, из Белоруссии, Молдавии и Вьетнама (...) Чаще всего используют Польшу как транзитное государство на пути в более богатые страны ЕС (...) Процедуры, связанные с получением гражданства, — не единственная слабая сторона нашей политики по отношению к иностранцам. В международном индексе MIPEX (Migrant Integration Policy Index) Польша выглядит не лучшим образом. Мы занимаем 24-е место среди 31 исследованного государства (...) Приоритетом миграционной политики должны быть люди, обладающие способностями и квалификациями, в которых нуждается наш рынок труда. Наиболее желательные кандидаты (...) — ближайшие соседи: украинцы, белорусы, русские». («Газета wyborcza», 16 мая)

- «У нас занято 180 тыс. иностранных сезонных рабочих, в частности в сельском хозяйстве, строительстве, работах по дому. Данные по теневой экономике неизвестны, они колеблются между 50 и 300 тысячами (...) Многие легальные иммигранты — это высококвалифицированные специалисты, а также владельцы фирм. Постепенно растет число иностранных студентов — не только с Украины и из Белоруссии, но и, например, из США, Швеции, Нигерии, Тайваня (в 2009 г. их было около 15 тысяч) (...) Согласно опросу ЦИОМа, проведенному в 2010 г., 81% поляков положительно относится к тому, что в Польше работают иностранцы», — Юстина Фреляк, руководитель Программы миграции и политики развития в Институте социальных вопросов. («Жечпосполита», 27 мая)

- «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 2010 г. впервые за шесть лет снизилось число родившихся детей. Польша присоединилась к группе государств, в которых долгосрочная стабилизация на рынке труда, а также платежеспособность пенсионной системы находятся под угрозой. В 2009 г. родилось 419,4 тыс. детей, а в 2010 г. — только 413,3 тыс.». («Дзенник — Газета правна», 26 мая)
- «Нехватка детских садов углубляет разницу в образовании. Согласно «Отчету о состоянии образования. Общество на пути к знаниям», подготовленному Институтом исследования образования (ИИО), несмотря на наличие 1,9 млн. студентов, поляки образованы хуже, чем жители других стран Европы (...) В течение 10-20 лет число школьников уменьшится на 20-30%, предсказывают авторы отчета (...) Отчет ИИО — первая публикация, подводящая итоги исследований и анализа образовательных процессов в Польше за последние 20 лет». («Жечпосполита», 1 июня)
- «По последним данным полиции, в 2010 г. был зафиксирован 25-процентный рост правонарушений на территории образовательных учреждений. Почти на 60% выросло число тяжелых преступлений, таких как, например, разбой и вымогательство. Сводки свидетельствуют о том, что ежедневно в какой-нибудь польской школе избивают учителя. Данные касаются начальных и средних школ». («Польска», 16 мая)
- Вездеход «Магма-2», сконструированный студентами Белостокского политехнического института, победил на соревнованиях University Rover Challenge (URC). Соревнования прошли 2-4 июня в пустыне штата Юта, неподалеку от макета марсианской базы «Mars Society». «Магма-2» зарекомендовала себя лучше, чем девять других аппаратов для исследования планет. Она весит 30 кг, у нее три пары колес, камера, шарнирный манипулятор для собирания проб скальных пород и, что особенно важно, два двигающихся над ним шестикрылых гексакоптера, позволяющих наблюдать за территорией с воздуха. Одно из заданий заключалось в том, чтобы привезти на базу пробу скальной породы. Вездеход привез их шесть. Вездеходы «Скорпион» из Вроцлавского политехнического института и «Коперник» из Торунского университета им. Николая Коперника заняли четвертое и шестое места. В конкурсе участвовало девять команд. («Дзенник — Газета правна» и «Газета wyborcza», 6 июня)
- «В Польше об этом не пишут, но число детей, не ходящих даже в начальную школу, у нас не меньше 60 тысяч», — проф. Мартин Круль. («Впрост», 22 мая)
- «В первом квартале рост ВВП составил 4,4% (...) Потребление выросло на 3,9% и обеспечивает больше половины экономического роста. Важно, что фирмы снова стали инвестировать. Расходы на новые производственные линии и оборудование выросли на 6% и достигли самого высокого уровня за последние два года». («Газета wyborcza», 1 июня)
- «Фирмы радуются рекордно высоким финансовым результатам. В первом квартале они заработали почти 22 млрд. злотых (...) По данным ГСУ, доходы средних и крупных фирм составили почти 513 млрд. злотых и выросли на 13% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Расходы тоже выросли, но меньше, чем доходы (на 11,6%), благодаря чему финансовые результаты были лучше, чем в первом квартале 2010 года». («Газета wyborcza», 24 мая)
- «В своем последнем отчете, озаглавленном «Doing Business», Всемирный банк присудил Польше 70 е место из 180 ти по условиям для предпринимательской деятельности (...) Худшие оценки мы получили за процедуры, необходимые для получения разрешения на строительство, связанные с уплатой налогов и началом хозяйственной деятельности. В другом рейтинге Всемирного банка, касающемся только уплаты налогов, мы заняли 121 е место (...) В рейтинге экономической свободы «Heritage Foundation» мы заняли 68 е место среди 179 государств и лишь 31 е среди европейских стран (...) Однако в 2010 г. в исследовании уровня социально-экономического развития (UNDP Human Development Index) Польша впервые была включена в группу наиболее развитых стран. Высокое шестое место заняли мы и в рейтинге инвестиционной привлекательности A.T. Kearney's Foreign Direct Investment Confidence Index (повышение на 16 мест). В рейтинге международной конкурентоспособности «World Economic Forum» (WEF) «Global Competitiveness Report» Польша попала в переходную группу стран с самой высокой конкурентоспособностью. В свою очередь в сводке «The IMD World Competitiveness Scoreboard» наша страна в прошлом году оказалась на 32 м месте, но среди государств региона она уступает только Чехии», — Генрика Бохняж, президент Польской конференции частных предпринимателей «Левиафан». («Газета wyborcza», 17 мая)
- «Зарплаты растут быстрее инфляции (...) Средняя зарплата в фирмах, насчитывающих более десяти сотрудников, была в апреле почти на 290 зл. больше, чем год назад, и составляла 3598 злотых. По данным ГСУ, за год она выросла на 5,9%». («Жечпосполита», 19 мая)

- «Всё больше поляков испытывают трудности со своевременной оплатой по счетам (...) Год назад это касалось 4,8% поляков, в декабре эта доля выросла до 5,3%. Еще больше растет сумма задолженности. В мае 2011 г. она составила в общей сложности 30,89 млрд. злотых, т.е. увеличилась более чем на 19 миллионов по сравнению с аналогичным периодом 2010 года (...) «Если банки увеличивают кредитные портфели, то растет и число непогашенных кредитов», — говорит экономист Рышард Петру». («Дзенник — Газета правна», 3-5 июня)
- «Министр финансов Яцек Ростовский представил диаграмму, из которой следует, что в Польше в течение нескольких десятков лет снизятся расходы на пенсии (по сравнению с ВВП), в то время как в большинстве стран ЕС они значительно возрастут. Рост расходов понятен, если учесть, что все общества стареют, в том числе и наше. Только польские пенсии будут всё ниже и потому будут дешевле обходиться тем, кто их финансирует, то есть работающим налогоплательщикам. Министр труда и социальной политики Иоланта Федак утверждает, что этот феномен нас не затронет, так как пенсии уменьшить нельзя (...) Министр Федак считает, что мы катимся к политической и экономической катастрофе, а премьер просто игнорирует эти слова (...) У Польши и других европейских стран не хватит средств для поддержания существующей системы социального страхования. От чего-то нужно будет отказаться. Вопрос — от чего? От высоких пенсий, общедоступного бесплатного здравоохранения, бесплатного образования? А может, нужно повысить налоги и смириться с тем, что экономический рост надолго снизится до 1%?» (Витольд Гадамский, «Газета wyborcza», 4-5 июня)
- «Совет монетарной политики уже в третий раз подряд поднял процентные ставки. В настоящий момент основная процентная ставка составляет 4,5%, т.е. равна инфляции (...) Цель СМП — удержать инфляцию на уровне 2,5% с возможностью колебания на 1% вверх и вниз». («Газета wyborcza», 9 июня)
- «Улучшается финансовое положение деревни. В прошлом году месячный наличный доход на одного человека в крестьянском домашнем хозяйстве составлял 1025 злотых. По последним данным ГСУ, он был на 15,9% выше, чем год назад (...) Крестьяне улучшают свое финансовое положение намного быстрее, чем другие группы населения. Доходы рабочих выросли в прошлом году на 6,8%, индивидуальных предпринимателей — на 5,2%, пенсионеров — на 5,4%, а инвалидов — на 6,3%. В результате крестьяне быстро приближаются к черте средних доходов по стране. В прошлом году их доход был ниже, чем средняя по стране, на 14,1%, а, например, в 2009 г. — на 20,7%. В 2004 г., когда мы вошли в ЕС, — на 26,6%». («Дзенник — Газета правна», 30 мая)
- «Массовая гибель пчелиных семей (CCD — colony collapse disorder). Болезнь приводит к гибели целых пчелиных семей, т.е. всех насекомых, населяющих один улей, вместе с пчелиной маткой (...) В Польше мы пока что теряем в среднем 15% пчелиных семей ежегодно, но и у нас эпидемия может в любую минуту усилиться (...) Основная причина — средства нового поколения для защиты растений, соединения из группы неоникотиноидов (...) Они в несколько тысяч раз вреднее печально известного ДДТ (...) В Польше их использование запрещено, но (...) в некоторых регионах они могут применяться нелегально (...) Пчелам вредит также повсеместное применение гербицидов». (Магдалена Френдер-Маевская, «Ньюсуик-Польша», 29 мая)
- «Самая важная черта польского самоуправления — сильная позиция гмин (...) В этом мы отличаемся от других стран, где гмины — третий уровень самоуправления — значительно слабее (...) В публичном секторе именно органы местного самоуправления — главный хозяин государства: за последние два года имущественные расходы субъектов территориального самоуправления (СТС) достигли 45 млрд. зл. в год, в то время как государственный бюджет инвестирует лишь 15 миллиардов. В общей сложности имущественные расходы бюджетов СТС в 1999-2010 гг. составили 270 млрд. зл., а государственный бюджет в тот же период инвестировал только 115 миллиардов (...) Самоуправления, в особенности гмины, остаются гражданским институтом. Прежде всего это происходит потому, что 72% депутатов гмин и 82% войтов, бурмистров и президентов — это независимые люди, связанные с местными начинаниями, группами, общественными комитетами, а не с политическими партиями», — директор офиса Союза польских городов Анджей Поравский. («Жечпосполита», 17 мая)
- «Самоуправления ведут борьбу с авторами оскорбительных комментариев в сети. Распространение ложной информации на интернет-форумах равносильно диффамации. Оскорблением считается также распространение правды в обидной форме. Лукаш Каспрович был приговорен Познанским районным судом к 10 месяцам заключения, 300 часам общественно-полезных работ, штрафу и запрету на профессиональную деятельность. В своем блоге он нанес оскорбление бурмистру Мосины (...) Представители местных властей все чаще борются с сомнительными комментариями на их тему в сети». («Дзенник — Газета правна», 30 мая)
- «Бурмистр Мосины Зофья Спрингер подала в суд частный иск (...) Вчера Познанский окружной суд постановил, что записи в блоге — это не журналистский материал, а личное мнение гражданина. А бурмистр, будучи публичным лицом, должен быть готов к критике, в том числе и несправедливой. Лукаш Каспрович был оправдан». («Жечпосполита», 9 июня)

• «Политики нанимают фирмы, занимающиеся травлей своих оппонентов. Сегодня клеветой на политиков на дискуссионных форумах и в социальных сетях занимаются специализирующиеся в этом фирмы, которые примут заказ на любого (...) Политические партии заказывают у фирм (...) комментирование статей и оскорбление, обзывание оппонентов. Исключений нет: «Право и справедливость» (ПиС), ГП, СДЛС — все они ежемесячно тратят на такие заказы десятки тысяч злотых (...) Этот бизнес настолько прибылен, что оскорблениями в сети занялись люди, создавшие единоличные фирмы и принимающие заказы на конкретных деятелей. В интернете без труда можно найти фирмы, предлагающие в качестве услуг «активность на дискуссионных форумах, порталах, тематических блогах, присутствие в социальных сетях и ежемесячные отчеты о выполненной работе», а также индивидуальные предложения мониторинга форумов и активности на них — конечно, не бесплатно (...) Один из нанятых фирмой «специалистов» зарабатывал в месяц рекордную сумму — 6 тыс. злотых». («Польска», 30 мая)

• «Нынешняя ситуация абсурдна и невыносима. Мы наблюдаем пропагандистскую войну двух лагерей — у каждого свой язык, цензурированный политкорректностью и не допускающий доброго слова о противниках. Уши вянут, когда слушаешь постоянные обвинения, клевету и брань», — епископ Тадеуш Перонек. («Ньюсуик-Польша», 12 июня)

• «Согласно опросу Центра мысли Иоанна Павла II и ЦИОМа, 68% поляков считают, что свободой слова сегодня злоупотребляют (...) По мнению 76% респондентов, в нашей общественной жизни слишком мало правды (...) В группе опрошенных, для которых это проблема (16%), преобладают неверующие, приверженцы центристских взглядов, индивидуальные предприниматели, а также жители крупных городов». («Жечпосполита», 4-5 июня)

• «Во вторник вступает в силу закон об имущественной ответственности государственных чиновников за вопиющие противоправные действия. Он обязывает чиновника покрыть из своих средств компенсацию, выплачиваемую казначейством по решению суда гражданину, пострадавшему в результате незаконного решения этого чиновника. Новые правила коснутся около 200 тыс. сотрудников госадминистрации и примерно столько же самоуправленцев. Самая многочисленная группа, которой следует опасаться новых правил, — это более 50 тыс. сотрудников налоговых управлений, которые ежедневно принимают несколько десятков решений. Если вследствие их вопиющей халатности будет допущена ошибка, ответственность чиновника ограничится годовой зарплатой. Если чиновник нарушит закон сознательно, ему придется вернуть всю выплаченную казначейством компенсацию». («Жечпосполита», 16 мая)

• «Проблема в том, что принятие административных решений (например, налоговых) — это сложный, многоэтапный процесс, в котором принимают участие несколько человек. Кто должен выплачивать компенсацию: инспектор, составивший протокол после инспекции? Другие сотрудники, работавшие над решением? А может, начальник налогового управления или налоговой палаты? (...) Процедура присуждения компенсаций сложна. Сначала налогоплательщик должен выиграть дело в гражданском суде. Затем орган, обязанный ее выплатить, обращается к прокурору с просьбой указать чиновника, который должен быть наказан...» (Александра Тарка, «Жечпосполита», 24 мая)

• «В прошлом году суды вынесли обвинительные приговоры за неуплату налогов 15 тыс. поляков. 31 налогоплательщик был приговорен к лишению свободы. В 39 случаях заключение было заменено условным наказанием с назначением срока выплаты причитающейся суммы. Всего было приговорено почти в два раза больше налогоплательщиков, чем в 2009 году. За уклонение от уплаты налогов можно получить штраф (чуть более 14 тыс. человек заплатили в общей сложности свыше 17 млн. злотых), а, кроме того, попасть в реестр осужденных». («Жечпосполита», 14-15 мая)

• «Более 10 тыс. проверок налогоплательщиков провели в прошлом году управления налогового контроля (УНК) (...) Визиты инспекторов закончились для налогоплательщиков необходимостью заплатить в среднем 209 416 злотых задолженности (...) УНК удалось вернуть государству 2 млрд. злотых налогов, причитающихся за 2010 год (...) Инспекторы налогового контроля обнаружили 84 тыс. фиктивных фактур на общую сумму свыше 3,4 млрд. злотых». («Жечпосполита», 1 июня)

• «Институт правосудия проверил 199 выбранных наугад дел об издевательствах над животными, которые прокуратуры и суды рассматривали в 2010 году (...) Выводы, представленные в отчете «Уголовно-правовая защита животных», шокируют: следователи быстро закрывают дела, а если не могут найти виноватых, приходят к заключению, что преступления не было. Вот уже несколько лет число случаев издевательства над животными остается приблизительно одинаковым. Чаще всего мучают собак. В рассмотренных делах жертвами стали 530 животных, в том числе 320 собак, 23 кошки, 78 голубей, 14 лошадей, 45 овец и коз. А кроме того, лось и змея. В 62 случаях животные погибли, 31 животное морили голодом. В отчете перечисляются также отравления (15) и огнестрельные ранения (19) (...) Полиция и прокуратура не справляются с наказанием виновных. 132 случая

(66% всех рассмотренных) закончились отказом в возбуждении дела или его закрытием. Авторы изучили 57 дел, закончившихся обвинительным приговором. Он был вынесен в отношении 59 человек (...) Арест подозреваемых был редкостью (...) Суды мягко наказывают мучителей: лишь четырех из 59 ти приговорили к заключению, 36 человек получили условные приговоры. Другие наказания — это, например, штрафы (около 3 тыс. злотых)». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 31 мая)

• «В защиту животных. Под ред. Петера Зингера. Изд. «Черная овца», 2011. Когда в 1975 г. этик Петер Зингер опубликовал манифест «Освобождение животных», тема прав других видов, кроме человека, в принципе не существовала. Сегодня многие философы, ученые и политики спрашивают: не является ли человеческое право царствовать на Земле обычной узурпацией? Действительно ли только людям принадлежит статус личности? Можно ли сравнить промышленное разведение животных с тоталитарными практиками? Антология очерков «В защиту животных» — это разумное введение в проблематику. Многих читателей после прочтения этой книги ждут нелегкие размышления о содержимом их холодильников». (Петр Кофта, «Впрост», 5 июня)

• «Около 2 млн. поляков получают социальную помощь — вместе с членами их семей это более 3,7 млн. человек. В 2009 г. семейные пособия получили 2,3 млн. семей. К этому нужно добавить субсидии на жилье и пенсии для инвалидов детства, не входящие в систему социального страхования. Согласно исследованиям, если бы этих пособий не было, бедность в Польше выросла бы умеренно — на 1-3%, так как уровень социальных выплат в нашей стране невысок. Так же, впрочем, как и доля расходов на социальную помощь в ВВП (...) Прожиточный минимум для хозяйства из одного человека составил в конце прошлого года 478 зл. (для более крупных хозяйств сумма, приходящаяся на одного человека, меньше), социальный минимум для хозяйства из одного человека — 940 зл. в месяц, а, например, из пяти человек — 745 зл. (оба показателя — прожиточный и социальный минимум — подсчитывает Институт труда и социальных вопросов)», — доктор наук Рышард Шарфенберг, замдиректора Института социальной политики Варшавского университета. («Пшеглэнд», 5 июня)

• «По официальным данным, в Польше более 2 млн. безработных. Сколько из них действительно ищут работу? Чтобы это проверить, ГСУ ежеквартально проводит т.н. исследование экономической активности населения (ИЭАН), опрашивая почти 60 тыс. человек от 15 до 74 лет, есть ли у них работа (...) Безработным не считается человек, работающий нелегально. После такого пересчета оказывается, что безработных — 1,77 млн. человек. Уровень безработицы в первом квартале составил 10%, хотя в реестрах бюро занятости прописано 13,1%. Данные ИЭАН сравнимы с другими странами ЕС, средняя по Евросоюзу составляет 9,5%». («Газета выборча», 1 июня)

• «Согласно майскому опросу ЦИОМа, 36% поляков поддерживают действия правительства. 33% высказываются против кабинета Дональда Туска (...) Самого премьер-министра критически оценивают 44% поляков, положительно — 42%». («Жечпосполита», 19 мая)

• Согласно опросу TNS ЦИМО, проведенному 2-6 июня, ГП поддерживают 44% поляков, ПиС — 25%, СДЛС — 16%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. («Газета выборча», 9 июня)

• «Самым большим доверием поляков неизменно пользуется президент Бронислав Коморовский — ему доверяют 65% респондентов, опрошенных ЦИОМом 5-11 мая (...) Второе место разделили премьер-министр Дональд Туск и министр иностранных дел Радослав Сикорский, которым доверяет 51% опрошенных». («Жечпосполита», 24 мая)

• «Вчера в резиденции Епископата были представлены последние результаты подсчета верующих. В 2010 г. в воскресенье в церковь ходили 41% католиков, в 2009 г. — 41,5%. Но число ходящих в церковь систематически уменьшается, за последние 20 лет приблизительно на 10% (...) С 90 х годов выросло число причащающихся. Их почти 16,4% — это на 5% больше, чем в 1990 году. Церкви феминизированы. На шестерых мужчин приходится девять женщин». («Газета выборча», 8 июня)

• «Флакон с каплей крови Иоанна Павла II помещен в золотую, усеянную бриллиантами ажурную шишку (...) На золотом основании, на деревянной подставке стоит ромб с серебряными гранями (...) В стеклянной внутренности ромба — хрустальная капля, в которой будет храниться золотая шишка с реликвиями. В воскресенье ковчегец будет помещен в сейф за бронированным стеклом в Пантеоне великих поляков». («Жечпосполита», 2 июня)

• «Одно из крупнейших кладбищ Европы, для многих святое место, закрыто для посещения (...) Музей концлагеря в Собиборе, в котором во время Второй Мировой войны погибли более 300 тыс. евреев со всей Европы (...) вынужден был ограничить свою деятельность из-за трудного материального положения». («Жечпосполита», 2 июня)

• «Стада туристов, колесящих по нашей планете (...) уничтожают мир (...) Уже в середине XIX в. о массовых туристах писали, что они как саранча, которая (...) летая по миру, пожирает всё, что встретит на своем пути: начиная с продуктов и кончая видами и тишиной». (Шимон Головня, «Ньюсуик-Польша», 5 июня)

3: ЗАПУСК ДИАЛОГА

Первым крупным международным мероприятием во Вроцлаве после присуждения этому городу звания культурной столицы Европы 2016 года стал I Польско-российский конгресс «Общество—культура—СМИ». Это событие можно считать знаковым хотя бы потому, что оно положило начало работе Центра польско-российского диалога и согласия.

В российско-польских отношениях появилось нечто, чего еще не было ни в каких двусторонних отношениях. В Москве и Варшаве одновременно создаются Центры диалога и согласия. Эти учреждения-близнецы — логическое продолжение многих усилий, которые прилагались в наших странах для поиска путей сближения и примирения. Казалось, что для этого уже есть масса механизмов, приведенных в действие в последние годы. Заметно участились контакты на высшем и министерском уровнях. Заработали на полных оборотах Межправительственная комиссия и Комитет по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества. Подключились и неправительственные организации, примером деятельности которых стал совместный Форум общественности. «Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с интенсификацией польско-российских отношений. Значит, есть политическая воля поддерживать контакты, обмениваться мнениями, информацией, подходами к решению проблем, от которых голова болит уже несколько лет. Конечно, возникает вопрос: что за этим последует? Мы на своем уровне политики изменить не можем, но развивать диалог, определять возможности решения проблем и служить советом политикам высшего уровня — это тоже большое дело», — говорил мне два года назад Славомир Дембский, участник польско-российской Группы по трудным вопросам, тогдашний директор Польского института международных дел.

Сейчас известный историк и политолог Славомир Дембский — специальный представитель министра культуры и национального наследия Республики Польша по вопросам Центра польско-российского диалога и согласия, создание которого стало следствием работы Группы по трудным вопросам. И здесь стоит напомнить о важном событии на современном этапе российско-польских отношений.

Создание совместной группы, призванной снять напряжение прошлого в отношениях между Россией и Польшей, имеет свою непростую историю. Решение трудных проблем в двусторонних отношениях было возложено на специальную группу после визита тогдашнего президента России Владимира Путина в Польшу в январе 2002 года. Но наступившая вскоре «политическая пауза» в контактах Москвы и Варшавы фактически заморозила ее деятельность. И только в начале 2008 г., в результате договоренности между главами дипломатии России и Польши — Сергеем Лавровым и Радославом Сикорским, было решено возродить группу. 8 февраля того же года, в ходе переговоров председателя правительства России Владимира Путина и председателя Совета министров Польши Дональда Туска были «перезапущены» основные механизмы двустороннего взаимодействия. Группа была реанимирована в «новом деполитизированном формате». В нее вошли в основном историки и ученые. Сопредседателями стали с российской стороны ректор МГИМО академик Анатолий Торкунов, а с польской — бывший министр иностранных дел, профессор Адам Даниэль Ротфельд. Трехлетний этап работы Группы завершился выходом фундаментального совместного труда под научной редакцией обоих сопредседателей «Белые пятна — черные пятна» — о трудных вопросах в польско-российских отношениях с 1918 по 2008 год.

Уже в беседе во Вроцлаве профессор Ротфельд напомнил, что совместное решение о создании центров диалога и согласия было принято премьерами России и Польши 7 апреля 2010 г. во время их встречи в Смоленске по рекомендации Группы по трудным вопросам. А 6 декабря того же года, в ходе визита президента России Дмитрия Медведева в Варшаву, был подписан протокол о намерениях по созданию центров, выполнение которого было поручено министрам культуры обеих стран. Тогда же министр культуры Польши Богдан Здроевский заметил автору этих строк: «Прецедента открытия подобных учреждений в международной практике нет, а признание исключительной важности двусторонних отношений ведет к тому, что центры начнут действовать как в Польше, так и в России. Эти структуры будут бороться за выявление исторической правды и преодоление несправедливых стереотипов. Это будет широкий мост, по которому будут продвигаться инициативы в области науки, образования, культуры и исторического наследия, адресованные всем поколениям».

Именно министр Здроевский стал инициатором проведения первого мероприятия Центра польско-российского диалога и согласия во Вроцлаве, где одиннадцать лет проработал мэром и заслужил добрую славу. Выбор темы конгресса дал возможность обратиться к самым различным аспектам отношений России и Польши, а состав участников заранее предопределял непредвзятость дискуссий. В самом деле, организаторам удалось пригласить

известных в обеих странах политологов, дипломатов, историков, журналистов. Вот только несколько имен. С польской стороны: Адам Даниэль Ротфельд, бывший глава дипломатии Анджей Олеховский, евродепутат Павел Коваль, председатель польского ПЕН-клуба Адам Поморский, директор Института книги Гжегож Гауден, социолог Павел Спевак и, конечно же, Славомир Дембский. В российскую делегацию, которую возглавлял министр культуры Александр Авдеев, входили специальный представитель министра культуры РФ по вопросам Центра российско-польского диалога и согласия, руководитель Федерального архивного агентства Андрей Артизов, посол России в Польше Александр Алексеев и бывший российский посол в Польше Леонид Драчевский, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике России, президент Международного дискуссионного клуба «Валдай» Сергей Караганов, зам. руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев. Широко были представлены СМИ самой разной направленности: заместители главных редакторов газет — «Газеты выборчей» Ежи Вуйцик, «Жечпосполитой» Марек Магеровский, «Дзенника — Газеты правовой» Анджей Талага, главные редакторы еженедельника «Огонек» Виктор Лошак, журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов, газеты «Комсомольская правда» Владимир Сунгоркин, заместитель главного редактора «Новой газеты» Андрей Липский, зам. главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» Сергей Бунтман, а также журналисты польских и российских периодических изданий. В секции «Религия» приняли участие представители православной и католической Церквей. Знаменательно, что никто из вышеперечисленных не относился к сонму «свадебных генералов». Все они были заинтересованными ведущими и участниками дискуссионных панелей.

Весомость событию придали послания глав государств. Президент России Дмитрий Медведев написал, что «конгресс послужит углублению доверия и взаимопонимания». Польский президент Бронислав Коморовский выразил надежду, что «регулярные встречи представителей польских и российских журналистских кругов послужат распространению знаний о современной Польше и России». Акценты в президентских посланиях так или иначе затрагивались во время всей работы конгресса. Адам Ротфельд сказал, что целью деятельности центров диалога должны стать переход от встречающегося еще недоверия к полному доверию, а также преодоление все еще живучих стереотипов. Но все это, по его мнению, должно проходить вдали от текущей политики и носить общественный характер. «Непредсказуемость — опасное состояние, люди боятся перемен, а стагнацию не надо путать со стабильностью», — обратил внимание профессор. «Мы должны смотреть друг на друга глазами партнеров и друзей, чтобы честно взглянуть на прошлое и сделать исторические и моральные выводы без душевного напряжения. Мы можем избавиться от стереотипов и двигаться в направлении цивилизованного диалога», — в свою очередь напутствовал работу центров Александр Авдеев.

Вопросы, которые удалось перелопатить участникам конгресса, касались самых разных аспектов. Внешняя политика и модернизация, взаимные инвестиции и торговля, религия в жизни общества. Говорили об истоках симпатий и неприязни друг к другу, но и о том, что поляки должны читать о России, а россияне о Польше, чтобы лучше узнать и понять друг друга.

В контексте председательства Польши в Европейском союзе тема одной из дискуссий была сформулирована так: «Способствует ли членство Польши в ЕС развитию отношений между Евросоюзом и Россией или, наоборот, осложняет его?» Единогласного мнения не было. Известный дипломат, ныне эксперт Польского института международных дел Лешек Есень отметил, что членство Польши в ЕС благоприятствует развитию отношений Евросоюза с Россией, но также и усложняет его. Дело в том, что Москве трудно понять, с кем и о чем нужно разговаривать в ЕС — «с отдельными институтами или отдельными странами, а может, с теми и другими». Определенные политические и общественные круги в России, утверждал депутат Европарламента Павел Коваль, заинтересованы в том, чтобы сотрудничать с Брюсселем по принципу равноправия и партнерства, но надо точно представлять, в каких областях и каким образом можно строить отношения с Москвой. По мнению же главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Федора Лукьянова, дискуссия о роли Польши в сближении России с ЕС запоздала, поскольку Европа теряет свои позиции в мире в пользу активной Азии, где чувствуется энергия и желание развиваться. «Важным элементом в развитии российско-польских отношений является отход от устаревших стереотипов и осознание их реального места в современном мире обеих стран», — заключил профессор МГИМО Михаил Наринский.

Что ж, старт дан, диалог запущен. Конгресс получился содержательным и хорошо организованным. Кому-то даже удалось совершить прогулку по Вроцлаву в сопровождении интересного рассказчика — профессора вроцлавского и варшавского университетов Николая Иванова. Институт книги многим преподнес хороший подарок — изданную на русском языке книгу крупнейшего британского историка Нормана Дэвиса о Польше «Сердце Европы». И, что немаловажно, хорошее настроение создавали те, кто торит путь польскому центру. Упомянутый Славомир Дембский. Малгожата Шняк, много лет проработавшая в Польском институте культуры и посольстве Польши в Москве. Юстина Прус-Войцеховская, журналистка и недавний корреспондент «Жечпосполитой» в Москве. Примечательно, что внутривосточные споры в Польше и России не проникли в

залы, где проходили дискуссии. Хотя россияне интересовались прогнозом парламентских выборов осенью этого года в Польше, а поляки допытывались, кто же из тандема пойдет на президентские выборы в России, это воспринималось как дело житейское.

Своими впечатлениями о конгрессе делится Андрей АРТИЗОВ, специальный представитель министра культуры РФ по вопросам Центра российско-польского диалога и согласия, руководитель Федерального архивного агентства:

— Несмотря на то что это первое мероприятие создаваемых центров, причем, на этапе, когда еще не решены организационные вопросы, можно сказать, что оно было успешным, а перефразируя русскую пословицу — первый блин не оказался комом. Интересные и компетентные люди с обеих сторон. В активном режиме, в сжатые сроки удалось обсудить практически весь спектр отношений между Россией и Польшей, связанных с прошлым, настоящим и, естественно, будущим. Очень важным было участие известных журналистов и руководителей СМИ из России и Польши. Впереди нас ждут новые проекты, научные труды, совместные социологические исследования. Все это поможет разгрести завалы прошлого и непредвзято подойти к реалиям нынешних отношений между нашими странами. Для себя я сделал вывод — нам надо больше ориентироваться на молодежь. И мы обязательно это учтем в следующих мероприятиях центров. Я говорю «центров», потому что не допускаю никаких сомнений в сотрудничестве, так как в нашем деле только совместная работа может стать гарантией успеха. Уже в декабре этого года мы соберем международный совет и скоординируем планы на 2012-2013 годы.

Более подробно о деятельности Центра польско-российского диалога и согласия можно узнать на сайте: www.cprdip.pl

Валерий Мастеров, собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве, — для «Новой Польши»

4: ЭКСПЕДИЦИЯ В ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

Перед нами — введение и последняя глава книги, впервые изданной в 1999 г. краковским «Выдавництвом литерацким» и представляющей собой большое эссе, в котором Милош рассчитывается с эпохой своей молодости. Книга построена главным образом на материалах источников (воспоминания, статьи из прессы), пронизанных связующим текстом автора. — Ред.

Польша обрела независимость в 1918 году и до сентября 1939-го была суверенным государством. В 1939 году наступил раздел этого государства двумя его соседями, а после войны — зависимость от Москвы. Долгий период, который отделяет нас от той межвоенной Польши, способствовал противоречивым суждениям о том, чем была жизнь в независимом государстве. В представления о свободной Польше, противопоставляемой позднему порабощению, неизбежно вкралась немалая идеализация. Сегодня без преувеличения можно сказать, что та Польша — край мифический, слабо описанный и редко посещаемый новыми поколениями. Но там ведь и тогда я рос и воспитывался. В 1918 году мне было семь лет, в 1939-м — двадцать восемь. Межвоенное двадцатилетие сформировало меня, и я сейчас слегка в положении старца, который рассказывает детям, как оно когда-то было. Я размышлял над тем, как вести такие рассказы, и пришел к выводу, что, не пытаясь описывать, воспользуюсь голосами людей, которые тогда жили, участвовали в повседневных делах и принимали повседневные вызовы.

Я не историк и не стану ни обозревать важнейшие даты и события, ни объяснять запутанные проблемы с экономикой и нацменьшинствами. Обращусь скорее к воображению читателя, который на основе представленных статей, отрывков из статей, речей, листовок сможет кое-что восстановить из тогдашней атмосферы. Другими словами: моя книга — это сад вырезок, правда, полный сорняков, так как я не претендую на роль бесстрастного наблюдателя. Наоборот — я не собираюсь скрывать свою пристрастность, так как та Польша вовсе не соответствует идеальному образу, который, возможно, создает себе новое поколение. Было немало явлений, возбуждавших ужас, жалость и гнев. Как раз эти сильные чувства были решающими в том, каким поэтом я стал, и следы этих чувств можно найти в моих сочинениях.

Я не сомневаюсь, что знакомство с той Польшей станет для многих читателей нелегким переживанием, возможно — потрясением, и что они будут спрашивать: «Как это возможно?» Но это было возможно, как показывают собранные мной материалы, опубликованные в большинстве до 1939 года.

Конечно, сам подбор текстов может подвергнуть меня упрекам в пессимизме. Однако в мои намерения наверняка не входило показывать Польшу как исключение среди государств Европы. Углубляясь в проблемы и повседневность Румынии или Венгрии, Югославии или Греции, мы открыли бы аналогичные межнациональные обострения, аналогичные контрасты богатства и бедности, не меньшую устойчивость устарелых образцов в культуре и нравах. Зато результаты всемирного экономического кризиса 1929 года, который, как видно из записок крестьян и безработных, ударил и по Польше, следовало бы сравнить с тем, что тогда происходило в Германии. Оказалось бы, что в индустриально развитой стране эти результаты были еще хуже. Вообще веймарская Германия с ее разнузданностью финансовых верхов, проституцией, коррупцией, нищетой безработных должна смягчить наши суждения о польском государстве. Заметим, что соседство Германии, особенно после прихода там к власти Гитлера в 1933 году, создавало дополнительные трудности. Когда читаешь некоторые высказывания польских сторонников авторитарного строя, иногда возникает впечатление, что какое-то коллективное помешательство охватило нашу часть Европы, ибо примерно такие же лозунги раздавались в Венгрии и Румынии.

Моей целью было показать внутренние противоречия того государства, не смягчая их, но отнюдь не для того ими пользуясь, чтобы свести тогдашнюю жизнь к столкновениям и борьбе на публичной арене.

Это был период, богатый доброй волей, самоотречением, героизмом, научным, литературным и художественным творчеством. В конце-то концов, мы же знаем, что в любом месте, в любой стране множество вещей происходит одновременно и никакие обобщения этого многообразия не исчерпают.

В пользу той Польши надо записать смелость социальной критики, которой занимались пишущие люди, не отступавшие перед грубой истиной. Думаю, что именно это может стать причиной потрясения у многих читателей, которых долгие годы правления коммунистов отучили называть вещи своими именами. Авторы, которых я цитирую, не имели привычки считаться с цензурой (а она существовала, хотя и в довольно узком объеме), и это влияло на их стиль большей открытости и простоты, чем то, что встречается сегодня.

Скажут: «Он в этой книге несет нам все свои старые травмы и неприязни». По меньшей мере не спорю. «К чему смолоду привык...» Ясно, что я дитя той эпохи и меня не обошли ее коллективные страсти. Как я показываю в своей книге, основным для понимания тех времен, с 1918 по 1939 год, было подразделение на сторонников и противников Пилсудского. Первые радостно или сочувственно восприняли его захват власти путем государственного переворота в 1926 году, и к ним принадлежали все, кто занимался литературой и искусством. Я рос в семье с симпатиями к пилсудчикам, для которой слово «эндек» было бранным. Кроме того в возрасте пятнадцати лет я уже вступал в сферу искусств, что означало прогрессивную мысль, и читал в школе доклады против «Трилогии» Сенкевича. Сам теперь удивляюсь, откуда это на меня нашло. Видимо, уже тогда я начал читать «Вядомости литератке» и поэтов «Скамандра», которые к правой стороне политической сцены относились враждебно. Во всяком случае Сенкевич был тогда лакмусовой бумажкой.

Это не значит, что сегодня я не ставлю себе множества вопросов о значении наследия Романа Дмовского. Уважая польских позитивистов и их «органический труд», будучи привязанным к Прусу и Ожешко, я готов даже понять возмущение Пруса социалистами в 1905 году, но не особо понимаю, как всё это выродилось у Дмовского и его преемников в патриотическую демагогию, неспособную привлечь дерзкие умы, а тем самым осуждающую ее исповедников на повторение одних и тех же лозунгов. Я говорю не о тоталитарных отроствах Национального лагеря, которые появились в тридцатые годы, но само культурное бесплодие учеников Дмовского было поразительным. Однако его партия получала массовую поддержку, что можно объяснить результатами разделов Польши: нация без государства, противостоящая (чужому) государству, легко становилась высшей ценностью, даже кумиром, а ее идеализация была прямо пропорциональна страху по отношению ко всем «чужим».

Отношение к религии в этой программе было прагматическим, то есть религия должна была служить польскому духу; тем не менее остается фактом, что к сторонникам «национальной» политики принадлежало большинство католического духовенства. Тут следует напомнить, что то, что мы знаем сегодня, не было ясно жившим тогда людям, за исключением отдельных личностей: само существование независимой Польши было под неустанной угрозой, и более чувствительные ощущали это как бы собственной шкурой; немногие, такие как Мариан Здеховский, профессор Шимон Аскенази, Станислав Игнаций Виткевич, сознавали это ясно. Человеком, ясно сознававшим угрозу, был и Юзеф Пилсудский. Он победил в битве под Варшавой в 1920 году и выиграл время, но до самой смерти его мучила мысль о притаившейся опасности — как с востока, так и с запада. Поэтому он заключал с соседями пакты о ненападении, которые соседям предстояло нарушить без угрызений совести. В своей книге я посвящаю мало места литературе и искусству, но сумел бы проследить в произведениях поэзии, прозы и театра ощущение ненадежности и бренности всего.

У меня, разумеется, особый подход, быть может, определенный тем, что я родился в Литве, а не в Польше и на польские дела смотрел из Вильно или же с виленской точки зрения. Это значит, что Польша Варшавы, Кракова и Познани была для меня как бы вне моего первого опыта и познания. Тем не менее я всё-таки не заслуживаю звания человека с «кресов», да и само это название меня раздражает. В моей семье я никогда не слышал этого слова в применении к нам. Наоборот: мы были отсюда, т.е. из древнего Великого Княжества Литовского, а главными городами нашего пространства для моих предков были Вильно и Рига. Из этого проистекло и строение моей книги, в которой я начинаю от печки, т.е. с того удивительного анклава польского языка, каким было Вильно. По-настоящему я должен был бы начать с событий 1918 года в Варшаве, Кракове и Львове. Но я нарушаю строго хронологический принцип и направляю свое внимание на более близкие мне события.

Весной 1920 года несколько недель я ходил в Вильно в школу на Ягеллонской улице, то есть в самом центре города. До сих пор я учился дома и не очень понимал, что происходит в школе. Однако сразу наступила паника в связи с отступлением польской армии от Вильно, и картины этого отступления очень сильно запечатлелись у меня в памяти. С матерью и братом мы ехали телегой в Литву, попав в перестрелку польского бронепоезда с литовскими солдатами. Позиция Литвы в этой войне, основанная на мирном договоре с советской Россией, была несколько двусмысленной и позволявшей сомневаться в ее строгом нейтралитете.

В сентябре 1921 года я начал учиться в виленской 1-й мужской гимназии имени короля Сигизмунда Августа. Это была восьмиклассная школа, аттестат зрелости мне предстояло в ней получить в 1929 году. Государство, в котором школа начала действовать, называлось Срединная Литва. Я тогда не знал, как и почему оно возникло, и, вероятно, мои читатели растерялись бы, предложи я им такой вопрос. Здесь я, однако, должен сообщить основную причину того, почему я начинаю с Вильно. Как раз в этом, да и во всём «вопросе Вильно» появляется фигура Юзефа Пилсудского. Он для меня вовсе не имя со страниц истории. Вижу, как в нашей школе он проходит между нашими двумя шеренгами, а я стою в первом ряду и набожно вглядываюсь в него. А надо напомнить, что Юзеф Пилсудский, наш человек, то есть родившийся на Виленщине, по матери из известной жмудской семьи Билевичей, в 1918 году приступал к построению государства — такого, какого требовала хранившаяся в его семье традиция, то есть Речи Посполитой Обоих Народов. Это государство было бы защищено с востока связанными с ним союзом Литвой, Белоруссией и Украиной, что со всей очевидностью воспроизводило структуру, порожденную Люблинской унией.

*

Чем была эта Польша межвоенного двадцатилетия? Этот вопрос задавали себе поляки, которых потрясло и ужаснуло сентябрьское поражение 1939 года, склоняя к безжалостным обвинениям по адресу правящих кругов, то есть санации, на которой в разговорах и печати не оставляли сухой нитки. Эти безжалостные суждения можно объяснить внезапным пробуждением от иллюзий, ибо печать и радио поддерживали миф державного государства и замечательного состояния армии. Если эти суждения и менялись — в годы войны и после нее, на родине и в эмиграции, — то во всяком случае преобладали отрицательные. Затем по понятным причинам коммунисты старались представить ту Польшу в как можно худшем виде. Поколения, возросшие в ПНР, мало что о ней знали. Хотя факт, что та Польша была страной суверенной, по-настоящему независимой, мог поворачивать мнения в направлении, противоположном желаниям власти, то есть в направлении идеализации.

Не моя задача — извлекать выводы из представленного материала. Пусть это сделают сами читатели. Я же хотел бы, чтобы им хватило понимания, что всё, чем была та Польша, формировало мои мысли и чувства, включая гнев и отчаяние. Должен также добавить, что позже, после сентябрьского поражения, я разделял с другими многие сожаления и обвинения, которыми оделяли межвоенную Польшу. Сегодня я забочусь о большей справедливости в своих суждениях.

Думая о тех временах, я прежде всего вижу людей. Прекрасных, ничтожных, героических, подлых, хороших, плохих, побеждающих, проигрывающих — всех, кому было суждено тогда жить и исполнять свою судьбу. И, пожалуй, поэтому я не смог писать книгу об этом двадцатилетии, а выбранная мною форма антологии была для меня единственно возможной. Если б не она, я не нашел бы сил описывать всё в целом, ограничившись биографиями.

Любопытно, что это книга о политике, границах, договорах, экономике и т.п. и что в ней мало говорится о литературе. Почему так произошло? Вероятно, потому что волк не любит охотиться вблизи своего логова. А может, еще и потому, что литература и искусство выживают в своих произведениях, мой же материал складывается из фактов преходящих, которые легко тонут в забвении, если никто их не выловит и не найдет. Тогда, ах как давно — когда Пилсудский совершил майский переворот, мне было 15 лет, — я не жил жизнью государства. Ибо следует осознать, что любое государство — здание многоэтажное и что большинство его граждан живет на первом этаже, взирая на всё с приземленной точки зрения, иногда задирая голову, чтобы

уловить что-то из деятельности тех, кто наверху. Правду говоря, единственным живым из стоявших у власти был для меня Пилсудский, хотя в мифическом одеянии, как бы королевском, а позже — полковник Славой-Складковский, многолетний глава правительства, как фигура скорее комическая — глуповатого унтера, каковым он частично был, а частично притворялся. Вдобавок мой первый этаж был в Вильно, городе в восьми часах езды по железной дороге от Варшавы, и уже сам темп жизни в столице не совпадал с нашими полудеревенскими привычками.

У меня рано появились социалистические наклонности, потому что я понимал, что в здании государства есть и подвалы, в которых живут бедняки, безработные и заключенные. Осознание этого отправляло меня на фланг левых уже тогда, когда я в 1929 году поступал в Виленский университет им. Стефана Батория.

Государство проходило разные этапы, и в каждом ощущалась своя атмосфера. Лучшая, как мне кажется, пришлась на 1926-1930 годы. Это было время надежды, и обещания санации тогда не звучали пусто. Затем наступил всемирный экономический кризис, который вызвал не только безработицу, но и сопутствовавшие ей явления, то есть страх потерять работу и повиновение требованиям предпринимателя. И так, прямо из обстоятельств кризиса, — в правую травлю второй половины 30-х годов.

Переломным моментом стала смерть Пилсудского в 1935 году. И я не могу сказать ничего хорошего о тех пилсудчиках, которые, как полковник Адам Коц, создатель Озона